

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ
К. Батюшкова.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ПЕТЕРБУРГА
МОСКОВСКОГО ГИМНАЗИИ.

Q

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1817.

Дорогіє Друзья, Братья и Сестры!

Представляемъ Вамъ статью Константина Николаевича Батюшкова «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи». Она написана въ 1815 году. Въ ней авторъ критикуетъ стоиковъ, эпикурейцевъ, французскаго философа Руссо, и единственнымъ средствомъ спасенія считаетъ христіанскую религію. Есть мнѣніе, что авторъ предчувствовалъ революціонныя событія 1825 года и боялся за Россію, что и отразилъ въ статьѣ.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орфографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный публикаціи отъ 1817 года ¹.

Пріятнаго Вамъ прочтенія, Друзья!

¹ Батюшковъ, К.Н. Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи / Опыты въ стихахъ и прозѣ Константина Батюшкова // К.Н. Батюшковъ. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Въ типографіи Н. Греча, 1817. – Ч. I. – С. 308–335.

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

Константина Батюшкова

въ С. Петербургѣ
1817.

ЧАСТЬ I.

ПРОЗА.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à pensemens utiles ou agréables?

Montaigne ².

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Н. Греча.
1817.

² И если никто меня не прочитаетъ, потерялъ ли я мое время, проведя столько праздныхъ часовъ въ полезныхъ или пріятныхъ размышленіяхъ? (Монтень) (франц.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.

Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ
типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для
Цензурнаго Комитета, другой для Департамента
Министра Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Декабря 30 дня, 1816 года.

*Цензоръ Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковской.*

НѢЧТО О МОРАЛИ, Основанной на философіи и религіи.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ, посредствомъ опыта и страстей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становится на новый рубежъ, озираетъ съ него протекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшается протекать остальное поприще жизни съ свѣтильникомъ вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суетныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое человѣкъ, по щастливому выраженію Кантемира, *еще новый житель міра сего*, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество и требуетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникъ жизни, и ничто не можетъ утолишь сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытностію, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается страстію, и самое чтеніе. Щастливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонить отъ порочнаго и суетнаго; щастливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и

огненныхъ страстей каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и читатель, неруководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходитъ то на одну, то на другую сторону. — Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать; ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ политики, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изытія и поражаютъ зло стрѣлами сатиры или палицею желѣзнаго человѣка ³, не взирая ни на лица, ни на условія и законы общества, сушь самыя опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе страстей, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцѣ сіи глубокіе слѣды, часто неизгладимые ⁴.

Но время чтенія исчезаетъ; ибо пресыщенное любопытство утомляется. За симъ слѣдуетъ непосредственно эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно; оно есть необыкновенное состояніе души, и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшиться мыслящему человѣку принять свѣтильникъ мудрости (той или другой школы; надобно запасшися мудростію человѣческою или небесными утѣшеніями; ибо онъ видитъ, онъ чувствуетъ, что для самой ограниченной

³ Смотри мечтанія Мерсье подъ названіемъ: l'An 2440.

⁴ Вотъ по чему чтеніе Вольтера менѣе развратило умовъ, нежели пламенные мечтанія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой сердцу; одинъ угрождаетъ суетности и скоро утомляетъ остроуміемъ; другомъ никогда не можетъ наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда убѣждаетъ иди трогаетъ: онъ во сто разъ опаснѣе.

дѣятельности въ обществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору своей слабости. Къ нещастію, — или къ щастію можетъ быть, ибо кто извѣдалъ всѣ пуши Промысла? — мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина: ибо какая мудрость можетъ утѣшишь нещастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станетъ довольствоваться сухими правилами Философіи, или захочетъ искать грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди страданій всего человечества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло торжествуетъ надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обмануться въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаетъ умъ, требующій опоры? Къ какимъ постояннымъ правиламъ, или расколамъ древней или новой Философіи, по какой системѣ расположить свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей политическихъ, превратныхъ и шаткихъ? и что успокоишь его? Какіе свѣтскіе моралисты внушатъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени столь печальнаго, для будущаго столь грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обстоятельствамъ. Она подобна тѣмъ нѣжнымъ растлѣніямъ, которыя

прозябають, цвѣтуть и украшаются плодами подѣ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными растѣніями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣють листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Стоикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Откровеніи; ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: *она есть щитъ и копье* добраго человѣка, которыя не ржавѣють отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты наблюденія зоркаго разума? Достаточны ли они для человѣчества вообще и для человѣка частно во время его странствованія по бурному морю жизни? Къ чему, на примѣръ, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло? Къ чему тонкія замѣчанія Ларошфуко, котораго книга, по словамъ и самихъ свѣтскихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему всѣ эти истины, основанныя на ложныхъ понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувство сына къ отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ своему рожденію, однимъ словомъ, благодарность, безкорыстіе и все, что человѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и тайныя пожертвованія благороднаго сердца, — все есть слѣдствіе *корысти*.

Другіе свѣтскіе моралисты повторяли однѣ и тѣже мысли, или (напр. Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распространеніе, но вѣчно ложное ⁵. Они

⁵ Число понятій моральныхъ и политическихъ — говоритъ

опечалили челоуѣчество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суетные умы: ибо что говори они? *Будь щастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается? — Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ Стоикамъ.

Вотъ, въ чемъ совершенно заключается вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель ⁶, отступникъ отъ вѣры, отступникъ отъ философіи. Ни слова въ утѣшеніе; ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. — Согласенъ; но кто ущѣтитъ эту мать, прижавшую къ груди своей трепетнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объятаго пламенемъ? Кто утѣшитъ этого отца, супруга, который подъ развалинами дома своего оставляетъ все, что имѣлъ: и дѣтей, и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго страдальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго щастія... взоры его обратятся къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы отчаяннаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Стоическая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, на одномъ отрицаніи; она ложна по тому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо она

Ансильонъ — весьма ограничено; вообще мало понятій въ обращеніи. Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или, лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а мешалъ все тотъ же. —
⁶ Руссо.

внушаетъ челоуѣку твердость, мужество, постоянство, безъ которыхъ нѣтъ добродѣтели; ибо она указываетъ смертному высокую цѣль и Бога наконецъ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самого себя; но сердцу — она ничего не сказываетъ. Всѣ моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему относиться, какъ радіусы къ своему центру; ибо сердце есть источникъ страстей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управлять; но и самый умъ (у людей щастливорожденныхъ) любить отдавать ему отчетъ, и сей отчетъ ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ совѣсти ⁷. Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой. (Новѣйшіе тѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повторяли только сказанія древнихъ ⁸. Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распространить ея вліяніе на всѣ состоянія, на

⁷ Вотъ въ чемъ заключали все ученіе Стоики: «Есть Богъ, слѣдственно Онъ создалъ челоуѣка. Онъ создалъ его для себя, создалъ таковымъ, чтобы онъ содѣлался *правосуднымъ и щастливымъ* на земли; слѣдственно челоуѣкъ можетъ познать истину и можетъ посредствомъ *мудрости своей* возвыситься до Бога который есть верховное благо» — Мы приглашаемъ прочитать опроверженіе Монтаня системы Эпиктетовой, и Паскалево опроверженіе Монтаня и Эпиктета. Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; заставляетъ бороться Монтаня съ Эпиктетомъ и обоихъ поражаетъ неборимыми доводами. —

⁸ Во всемъ, говоритъ Монтанъ (если не ошибаюсь), мы влечемся но слѣдамъ древнихъ, какъ малые дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечтательную Философію Платона подъ другимъ именемъ.

всѣ случаи жизни, могущіе постигнуть челоуѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: «Челоуѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его наклонности безпрестанно противорѣчатъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ, ни точности въ наукахъ.» Монтанъ, великій защитникъ сего, представляетъ намъ Стоическую добродѣтель въ видѣ ужаснаго пугалища; а свою науку называетъ игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей нравится, говоритъ онъ, играетъ она небрежно съ дурными и щастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лонѣ праздности, откуда показываетъ людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣденіе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, вотъ два мягкія изголовья для головы щастливо образованной!

Убѣжденная въ сей *истинѣ* толпа Философовъ Эпикурейцовъ, отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла челоуѣку: Наслаждайся! Вся природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, минутное, но вѣрное. — Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачныя, сіи часы и минуты, сотканныя усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и розъ сладострастія? гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тишинѣ страстей

своихъ. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, отравленныя слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ, или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ приобрѣтенныя? — Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердцѣ человека просвѣщеннаго и щастливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ просвѣщеннѣе и щастливѣе Горація, и кто страдалъ подобно ему? Природа лелѣяла его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испытавшая его въ юности, осыпала всѣми дарами и славы и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Мецената, наслажденія роскошнаго двора, общее уваженіе къ великому таланту, здоровье неизмѣняющее, друзья любезные сердцу и уму, и въ вѣрности подобные благосклонной фортунѣ, прелестныя женщины, готовыя увѣнчать миртами любимца Монархова и Музъ, и что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всѣхъ случайностей щастія, мудрость, которая открыла золотую середину во всѣхъ вещахъ, истинный философскій камень: чего бы не доставало? Но щастливецъ, при всѣхъ дарахъ фортуны, при всей Философіи, скучалъ; ибо сердце человеческое имѣетъ нѣкоторый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ источникомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ сѣждаетъ, говоритъ Монтанъ; сердце скоро пресыщается. «Юноша, наливающій Фадернское, дай горькаго!» восклицаетъ Катуллъ, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршествѣ:

Minister vetuli, puer, Falerni
Inger'mi calces amariores ⁹.

Такъ создано сердце человѣческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у источника наслажденій, оно обрѣтаетъ горечь. И это испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ найти спокойствія: ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ цвѣтушемъ убѣжищѣ Мецената, ни въ градѣ; ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той Философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія; ибо если Науки и Поэзія услаждаютъ, нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустоты, которая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь?¹⁰

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далѣе.
— Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣли его за

⁹ Служитель-мальчикъ, принеси мнѣ чаши

Съ болѣе горькимъ старымъ Фалернскимъ (лат.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.

¹⁰ «Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, истощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица природы! горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, которое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и томная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній... При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.» — *Путешествіе младшаго Анахарсиса*.

Это тягостное состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Что избавить ихъ отъ сего мученія? — Религія.

чашею наслажденія, ни Стоики въ безстрастіи и въ непреклонной суровости нравовъ; (ибо чловѣкъ созданъ любить). Ни кто не нашель блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей; ибо и тотъ, кто блистаешь въ пурпурѣ, и тотъ, кто таилъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій, не могутъ назваться щастливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго требуетъ сердце, какъ тѣло пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, отвѣчаетъ опытность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Чловѣкъ есть странникъ на земли, говоритъ святой Мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Вотъ почему всѣ системы и древнихъ и новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ чловѣка къ блаженству наемнымъ путемъ и никогда не доводятъ; Систематики забываютъ, что чловѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для щасія минутнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о которомъ Вѣра, одна святая Вѣра ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ страстями или непріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ треволненій жизни, и никогда не обманываетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство чловѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писателей приблизились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, которыя святое Откровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! Собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и

сильнѣе будутъ его терзанія; ибо ни дары щастія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ни что не удовлетворить его вполнѣ. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ Геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія; ибо всю жизнь искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавистными: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостію. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всѣми страстями, онъ покидалъ общество, требовалъ щастія въ объятіяхъ природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скитался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облекается онъ въ мантию Стоиковъ, напрасно подражаетъ имъ въ твердости; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна религія могла утѣшить и успокоить страдальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину, и жертва неизлечимой гордости, отклонялъ безпрестанно главу свою отъ легкаго и спасительнаго ярма. Краснорѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его страстямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ заблужденій своихъ, какъ частно измѣнялъ онъ и добродѣтели и истинѣ! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіи жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣтильникъ мудрости человѣческой въ рукъ своей? Ибо свѣтильникъ сей недостаточенъ; одинъ лучъ Вѣры,

слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяться добродѣтели и измѣнять ей, быть почитателемъ истины и не обрѣтать ее, — вотъ плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе раздаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію человѣка глубоко растроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу, не съ гордостію мудреца, который укоряетъ природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ Христіанина. Одинъ Богъ можетъ требовать отъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, завѣтнаго для души благородной; онъ оскорбилъ тѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣденію: ибо истина на землѣ одному Богу извѣстна. Кто требовалъ у него сихъ признаній, сей страшной повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце мечтателя? Такъ! человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ страшное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость человѣческая... Десятилѣтній отрокъ,

который помнить свой Катихизисъ, можетъ уличить его въ этомъ преступленіи. Боже великій! что же такое умъ человѣческой въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго? ¹¹

Вѣра и нравственность, на ней основанная,

¹¹ Безъ смѣха и жалости нельзя читать, признаній Женевского мечтателя. Я не стану выписывать тѣхъ мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и Философіи, столь лакомаго въ молодости своей. У. Г. Мабли, въ Ліонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ отдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: тутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: *malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites burettes je faisais là tout seul en lisant quelques pages de roman!* [«Къ несчастью я никогда не могъ пить безъ ѣды..., но когда у меня была моя маленькая бриошь, запершись въ моей комнатѣ, я тотчасъ находилъ бутылку въ глубинѣ шкафа; какіе добрыя глоточки я дѣлалъ тамъ совсѣмъ одинъ, прочитывая нѣсколько страницъ романа!»] (франц.) Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.] Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ тутъ достоинство человѣка и мудреца? О слогѣ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И этотъ человѣкъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И этотъ человѣкъ чувствовалъ всю прелесть Религіи, и благодѣтельное вліяніе оной на общество и на человѣка частнаго! — Чего недоставало ему? Постояннаго убѣжденія, менѣе гордости и страстей, болѣе разсудительности и смиренія.

всего нужнѣ Писателю. Закаленные въ ея свѣтильникѣ мысли его становятся постояннѣ, важнѣ, сильнѣ, краснорѣчіе убѣдительнѣ; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни протекалъ съ своею Музою, онъ не унижить ее, не оскорбитъ ея стыдливости, и въ памяти, людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слѣзы благодарности лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: *ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станъ непріятельскомъ.* Одна Вѣра созидаетъ мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнутаго для коварнаго любопытства; Вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственные мраки, которые бываютъ тѣмъ густѣе, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобъ быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Оттуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслить обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случилось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящія, простираютъ со всѣхъ сторонъ туманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество

мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жатвы и стада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенные; вся природа вамъ отдана снова: вотъ эмблема невѣрія и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ; призванные и поддержанные смиренной Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ — и ваши взоры обрѣтутъ неотъемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и горѣ лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой; Къ щастію нашему мы живемъ въ такія времена, въ которыя невозможно колебаться человѣку мыслящему; стоитъ только взглянуть на происшествія міра и потомъ углубиться въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Щастливые обитатели обширнѣйшаго края, мы не участвовали въ

заблужденіяхъ племень просвѣщенныхъ: мы издали
взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и
тронъ Царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ
ужасомъ на плоды нечестиваго вольнодумства, на
вольность, водрузившую свое знамя посреди
окровавленныхъ труповъ, на человѣчество униженное
и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ
ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи
нечестивыхъ легіоновъ, на Москву дымящуюся въ
развалинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на Бога,
и ѳиміамъ усердія курился не тщетно въ камильницѣ
Вѣры, и слезы и моленія не тщетно проливались передъ
Небомъ: мы восторжествовали. Оборотъ
единственный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра!
Легіоны *непобѣдимыхъ* затрепетали въ свою очередь.
Копье и сабля, окропленные святою водою на берегахъ
тихаго Дона, засверкали въ обители нечестія, въ виду
храмовъ *разсудка, братства и вольности*, безбожіемъ
сооруженныхъ: и знамя Москвы, Вѣры и чести
водружено на мѣстѣ величайшаго преступленія
противъ Бога и человѣчества ¹².

Faut-il encore, faut-il vous rappeler le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos
jours?¹³

¹² Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шатобріанъ сказалъ: «храбрость
безъ Вѣры ничтожна. — Посмотримъ, что сдѣлаютъ наши
вольнодумцы противъ Козаковъ грубыхъ, непросвѣщенныхъ, но
сильныхъ Вѣрою въ Бога?»... Всѣ журналисты вступились за
честь оскорбленной великой націи (la grande nation); по
предсказаніе сбылось.

¹³ Должно ли еще, должно ли напоминать вѣсь ходъ
Безчисленныхъ чудесъ, совершившихся въ наши дни? (франц.).

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее торжество невинности, человѣколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣеть.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаеть новые шаги въ Отечество наше; снова процвѣтутъ промышленность, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣтильникамъ Эдимбургскимъ, долгомъ поставятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, кроткихъ, постоянныхъ и незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую; достойныхъ Великаго человѣка, имъ управляющаго!

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣбъ можно столь добра творить!¹⁴

Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.

¹⁴ Державинъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвицахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвицахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343

въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ
Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвицахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное
пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

